«Неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом организации, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом, обязанности документально фиксировать подозрительные операции и представлять в уполномоченный орган сведения по подлежащим обязательному контролю операциям с денежными средствами или иным имуществом, совершаемым их клиентами».

При этом данная норма могла бы распространяться не только на сотрудников кредитных организаций, но и на работников других организаций, перечисленных в ст. 5 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (страховых организаций, ломбардов, микрофинансовых организаций и др.).

Библиографический список

Возможного лидера крупнейшей в России ОПГ оставили под стражей. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2878088> (дата обращения: 04.03.2016).

Выявление и расследование преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов (методическое пособие) // Прокурорская и следственная практика. 2006. № 1—2.

Жубрин Р. В., Янчуркин О. В. Использование компаний, зарегистрированных в офшорных зонах, для незаконного вывода капитала из России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4.

Журналисты-расследователи открыли доступ к данным о 200 тыс. офшоров. URL: <http://www.rbc.ru/politics/09/05/2016/5730ccd99a79477674a491f3?from=main> (дата обращения: 14.05.2016).

Обналичивание в наличии. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2911705> (дата обращения: 10.02.2016).

Платежный баланс Российской Федерации за 2015 год (по методологии шестого издания «Руководства МВФ по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» (РПБ6)). URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs>.

Статистика внешнего сектора. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs> (дата обращения 15.05.2016).

Торбин Ю. Г., Янчуркин О. В. Особенности проведения проверочных действий и возбуждение уголовного дела по фактам легализации преступных доходов, совершенной с использованием возможностей офшорных зон // Российский следователь. 2015. № 21.

Исторический аспект уголовной ответственности за недобросовестное банкротство в России и зарубежных странах

КУБАНЦЕВ Сергей Павлович, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: spkubantsev@mail.ru

В статье освещаются вопросы законодательного регулирования общественных отношений, связанных с недобросовестным банкротством, в их историческом аспекте. Очерчивается законодательный инструментарий, который использовался в зарубежных странах и России для регулирования ответственности за банкротство в период до XIX в. Исследуется законодательство зарубежных стран и российское законодательство, в котором содержались

нормы об ответственности за несостоятельность (банкротство), регламентации очередности распределения имущества должника, а также разграничения должников на тех, которые не могут исполнить свои долговые обязательства в силу «несчастной» (бесхитростной) несостоятельности, и тех, которые попросту не желают исполнять свои долговые обязательства, приискивая способы уклонения от их исполнения (злонамеренная несостоятельность). Поднимается вопрос о времени появления разграничения ответственности обанкротившегося лица. Отмечается отход от единственного наказания для любого должника, неспособного уплатить по своим долгам, зависящего исключительно от факта неуплаты долга, в сторону нескольких видов наказания, в зависимости от вины должника в собственном банкротстве, разграничения карательных мер и принудительных мер имущественного характера, развития способов и средств реализации прав кредиторов.

Ключевые слова: банкротство, ответственность, уголовный, мошенничество.

Historical Aspect of Criminal Liability for Fraudulent Bankruptcy in Russia and Foreign Countries

S. P. KUBANTSEV, candidate of legal sciences, associate professor

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: spkubantsev@mail.ru

The article highlights the issues of legal regulation of public relations related to the unfair bankruptcy, in their historical aspect. It outlines the legislative instruments used by foreign countries and Russia for regulating of liability for bankruptcy in the period up to the 19 century. The author studied the laws of foreign countries and the Russian legislation, which contains provisions on liability for bankruptcy, the regulation of the debtor's property distribution of priority, as well as differentiation of debtors to those who can not meet its debt obligations, and those who simply do not want to fulfill its debt obligations (malicious insolvency). Due to this situation the questions about the time of distinguishing the respective responsibilities of the bankrupt entity are arise. The author mentioned the move away from a single penalty for any debtor who is unable to pay its debts, which depends solely on the fact of the debt of non-payment, in the direction of several forms of punishment, depending on the fault of the debtor in its own bankruptcy, differentiation punitive and coercive measures of material nature, the development of methods and means of implementation creditors' rights.

Keywords: bankruptcy, liability, criminal, fraud.

DOI: 10.12737/22725

Историческое развитие правовой системы конкретного государства создает сложное переплетение правовых конструкций, существовавших в разные периоды времени и регулировавших, казалось бы, разные правовые институты. Такой эффект достигается в том числе за счет живого и подвижного начала в праве, ибо оно развивается в прямой зависимости от уровня социального и экономического развития государства.

Вместе с тем право не может быть столь же подвижным, как и социальные отношения. Право лишь следует за ними, как бы наблюдая и проникая в суть общественных отношений, выявляя те из них, которые жизненно необходимы обществу, но суще-

ствование которых не представляется без дальнейшего правового регулирования.

Законодательство о банкротстве и ответственности за недобросовестные действия при банкротстве не является исключением из данного правила. Речь здесь идет о невозможности одного из субъектов исполнить свои обязательства в денежной или натуральной форме и, соответственно, необходимости для другой стороны принудительно взыскать причитающееся ей по договору или закону.

Казалось бы, все понятно: кредитор обращается к должнику или в суд и понуждает должника к исполнению своих обязательств. Однако ситуация осложняется, когда

есть несколько кредиторов, каждый из которых желает получить сполна причитающееся ему от должника, но имущества должника не хватает, чтобы удовлетворить требования всех кредиторов в полном объеме. Именно здесь возникает необходимость в правовом регулировании спорных общественных отношений, а именно в гарантированном распределении между кредиторами имущества должника, причем пропорционально величине задолженности и числу кредиторов.

Термин «банкротство», уходящий корнями в законодательство Древнего Рима, происходит от латинских слов *bancus* (скамья) и *ruptus* (сломанный). По другой версии данный термин имеет итальянские корни: *banko* (скамья) и *rotto* (сломанный), что означает несостоятельность, отсутствие средств у должника и отказ в связи с этим платить кредиторам по своим долговым обязательствам.

Приведенные версии не противоречат друг другу, тем более что банком называлась скамья, установленная в людном месте, на которой ростовщики и менялы осуществляли свои сделки. В случае разорения владельца скамьи (банка) она просто разламывалась самим владельцем.

На сегодняшний день термин «банкротство» в мировой практике приобрел более широкий характер и включает несостоятельность не только лиц, осуществляющих денежные операции, но и любых других лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, несостоятельность физических лиц, органов местного самоуправления и даже отдельного государства (дефолт).

Говоря о нормативном регулировании ситуации, при которой у должника отсутствует возможность расплатиться по своим долгам, можно обратиться к Ветхому завету, где повествуется о том, что через семь лет необходимо простить невозвращенный долг ближнему своему или

брату своему. Однако только в религиозных источниках мы наблюдаем столь лояльный подход к должникам. Например, по азиатской традиции предусматривался лишь один вид наказания для несостоятельного должника — смертная казнь.

В Древней Греции и Древнем Риме должник отвечал по своим обязательствам всем своим имуществом, своей личной свободой, а в силу законодательного закрепления власти отца над всеми членами семейства, включая его жену, незамужних дочерей, сыновей и их жен, их детей, и свободой членов своей семьи. Поэтому вплоть до принятия закона *lex Poetelia* в 326 г. н. э., в случае отсутствия оплаты по долговому обязательству свыше 90 дней после наступления срока платежа, должник мог лишиться своего имущества или даже свободы, попав в долговое рабство лично или со своей семьей. В римских Законах XII таблиц содержались нормы о праве кредитора убить (разрубить мечом) безнадёжного должника.

Однако именно в Римском праве мы видим, возможно, первое из сохранившихся до наших дней, пока еще размытое, ограничение уголовной ответственности за банкротство от ответственности гражданско-правового характера.

Несостоятельный должник лишался своего имущества в пользу его кредиторов, и в ряде случаев это было единственной принудительной мерой, которая к нему применялась. При этом должник хотя и помещался под стражу вплоть до окончательного разрешения вопросов с его кредиторами, тем не менее законодательно были закреплены правило гражданско-правовой ответственности за добросовестное банкротство, а также принцип равномерного распределения между кредиторами имущества неплатежеспособного должника. Вместе с тем мы наблюдаем законодательное закрепление процедуры реализации имущества должника с торгов (аукциона).

По ходатайству кредитора претор мог предоставить ему право вступить во владение имуществом должника (*missio in possessionem*), а при отсутствии надлежащих платежей со стороны должника в течение 30 дней имущество, находившееся во владении кредиторов, переходило к ним или реализовывалось в счет долга. Однако если продажа имущества не покрыла долговых обязательств, то должник оставался обязанным перед кредиторами вплоть до полного погашения долгов. То есть процедура банкротства могла быть прекращена только в случае полного удовлетворения требований кредиторов. Вместе с тем должнику, просрочившему срок возвращения долга, позволялось иметь в собственности предметы первой необходимости, в том числе продукты питания.

Здесь же наблюдается одно из первых упоминаний о разграничении должников на тех, которые не желают платить по своим долговым обязательствам, и тех, которые неспособны выплатить долг по независящим от них обстоятельствам. Соответственно, и санкции, применяемые к разным видам должников, уже не могут оставаться одинаковыми — появляется их градация в зависимости от наличия вины в финансовой несостоятельности самого должника.

После распада Римской империи итальянское право поначалу не пошло по пути разграничения банкротов на «не желающих» и «неспособных» платить по своим долгам. В течение некоторого времени данное разделение должников просто утратило свое значение. Но именно итальянскому праву мы обязаны существенным развитием института банкротства в Средневековье, отходом от личной ответственности при любом из видов банкротства и переходом к имущественным формам взыскания в случаях добросовестного банкротства.

Катализатором для развития законодательства о банкротстве выступили стремительно развиваю-

щиеся экономические отношения: «Уже к концу первой половины Средних веков Италия, особенно северная, покрывается сетью самостоятельных торговых республик, захвативших в свои руки торговлю Европы с доступным тогда Востоком»¹.

В свою очередь, развитие данной сферы законодательного регулирования приводит к новым формам опровержения сделок должника. Наблюдается появление законодательных норм, предусматривающих возможность ареста имущества, которое было отчуждено должником непосредственно перед инициацией процедуры банкротства, например, в Генуе — за 15 дней до банкротства, а в других городах — до 3—4 месяцев, предшествовавших банкротству². Такое развитие законодательного регулирования имело прямое отношение к закреплению уголовно-правовых мер воздействия за преднамеренное банкротство.

Примерно в это же время на территории Древней Руси проходят этап своего становления и законодательного закрепления общественные отношения, связанные с банкротством должника. Традиционно, и не только на Руси, несостоятельного должника приравнивали к вору или мошеннику, метили его ошейником или иными знаками как преступника, вне зависимости от степени вины самого должника в своей несостоятельности. Между тем торговые люди, взявшие кредит на торговлю или товар «под реализацию», зачастую становились жертвами разбойников, чиновничьего произвола, наводнений, пожаров и т. п.

Уже в Русской Правде мы видим, что несостоятельный должник отвечал по своим обязательствам не только своим имуществом, но и своей свободой, а также свободой сво-

¹ Цитович П. П. Труды по торговому и вексельному праву: в 2 т. Т. 2: Курс вексельного права. М., 2005. С. 2.

² См.: Мальшев К. И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 69.

ей семьи. Например, в ст. 68 и 69 Карамзинского списка Русской Правды устанавливались принцип личной ответственности несостоятельного должника (долговое холопство), а также возможность реструктуризации задолженности в случае невиновного банкротства³.

Обращаясь к положениям, закрепленным в ст. 68 Карамзинского списка Русской Правды, следует отметить указание на существование двух различных видов банкротства, несчастной несостоятельности, т. е. банкротства, наступившего независимо от воли самого банкрота, и несостоятельности, наступившей в результате злонамеренных действий самого должника. Схожие положения можно встретить и в ст. 54, 55 Троицкого списка Русской Правды.

В статье 69 Русской Правды устанавливалась очередность удовлетворения требований кредиторов, когда из денег, вырученных с продажи должника в холопство, сначала удовлетворялись требования чужеземных кредиторов, а затем местных. Но применение данной нормы имело специфическую природу. По мнению А. Х. Гольмстена, она не применялась в случае, когда несостоятельность должника была «несчастная» («пагуба» должника «от Бога есть»)⁴, что указывает на данную норму именно как на санкцию уголовно-правового характера за виновное (злонамеренное) банкротство, которая подразумевает определенные ограничения свободы должника — продажа в холопство за долги. «Несчастное» же банкротство или наличие одного лишь кредитора позволяли рассчи-

тывать обанкротившемуся должнику на рассрочку по уплате долга.

В статье 51 Троицкого списка Русской Правды и ст. 20 Толстовского списка Сокращенной Русской Правды⁵ наблюдается законодательная регламентация процедуры и очередности удовлетворения требований кредиторов. Предусматривается распродажа имущества должника, а возможно, и самого должника. Первичным правом требования обладает князь, далее удовлетворяются требования иногороднего купца, а оставшееся имущество распределяется между местными кредиторами.

Конечно, в приведенной норме отсутствует детальная регламентация очередности удовлетворения требований среди нескольких местных или нескольких иногородних (чужеземных) кредиторов, существуют противоречия в толковании фразы «вести на торгъ и продати», которая, по мнению М. А. Дьяконова, обозначала действительную продажу разорившегося купца в холопство, а, например, по мнению Б. Д. Грекова, — продажу его имущества⁶, но регламентация все-таки есть и зависит она пока еще не от существа требований, а от субъекта правоотношений, его положение в обществе. Здесь можно обратить внимание на первенство удовлетворения требований иногородних (чужеземных) кредиторов по сравнению с местными кредиторами как на основание для разграничения долговых обязательств по сущности самого требования, возникшего из международного договора, а не внутреннего права.

Вместе с тем сохраняются и достаточно репрессивные нормы об ответственности за финансовую несостоятельность, например, в виде продажи несостоятельного должника в холопство. Так, в проекте договора

³ См.: Журавлев С. Ю. История развития законодательства о банкротстве в России. URL: http://www.namvd.ru/science/Conferences/2007/bankrotzahvat/404.html#_ftn1.

⁴ См.: Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. С. 3.

⁵ Тексты редакций и списков Русской Правды с комментариями приводятся по: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

⁶ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 99.

Новгорода с Любеком (1269 г.) о продаже в холопство несостоятельного должника говорится: «А поручится жена за своего мужа, и итти ей в холопство за долг вместе со своим мужем»⁷.

Положения, связанные с санкциями за неисполнение долговых обязательств, содержатся и в других законодательных источниках того периода: ст. 11 Договора смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (1229 г.), ст. XX Договора Новгорода с немецкими городами и Готландом (1270 г.).

Здесь предусматриваются очередность погашения долга, а также ответственность за неуплату долга, которая наступала в виде распродажи имущества и личной ответственности (долговое холопство). Причем попасть в долговое холопство мог представитель любой из договаривающихся сторон (ст. 53 Приложения 1 к Договору Новгорода с немецкими городами и Готландом, но в отношении немцев, попавших в долговое холопство, отдельно закреплялось право на личную безопасность, его можно было держать взаперти, связать, но без ущерба для его физического здоровья). Кроме того, Договором были введены запрет на перепродажу долгового холопа и обязанность отпустить его по мере уплаты (отработки) суммы долга.

Отличительной особенностью Договора Новгорода с немецкими городами и Готландом выступает специальное указание в ст. XXI на то, что если жена не поручалась за долг мужа, то и ответственности по долговым обязательствам мужа она не несет. Соответственно, долговое холопство в этом случае наступает только для самого должника, но не для членов его семьи. Однако семья должника все также остается ответственной всем своим имуществом по неуплаченным долгам. Здесь мы видим прямое указание на существование лич-

ных прав жены в семье. Она не является принадлежностью своего мужа и может самостоятельно принимать решения о поручительстве, нести персональную ответственность за такие решения.

Некоторое затишье в развитии законодательства об ответственности за недобросовестное банкротство прерывается Псковской судной грамотой (1467 г.), где наблюдается развитие процессуальных особенностей разрешения судебных споров о долговых обязательствах. В статье 101 Грамоты говорится, что споры о займах или долге торговом, о займах с поручительством или иных займах, подтвержденных только иском, разрешаются, по желанию ответчика, путем судебного поединка либо принесением присяги у креста. Однако иски о займе или долге, подтвержденные заемной доской и обеспеченные залогом, не подлежали разрешению путем судебного поединка, а сама заемная доска не могла быть произвольно признана ненадлежащим доказательством по делу (ст. 28).

В соответствии со ст. 93 Псковской судной грамоты расходы по поимке должника, скрывшегося на момент наступления срока платежа по долгу (вознаграждение приставам, расходы на публикацию, на наложение оков), взыскивались с разыскиваемого лица. То есть в этом случае сумма его долга увеличивалась на величину казенных затрат, а исходя из очередности погашения требований кредиторов — первично князь, мы получаем ситуацию, при которой сначала удовлетворяются требования, возникшие уже после наступления просрочки по платежу и не имеющие прямого отношения к первоначальному долгу.

Судебники 1497 и 1550 гг. были непосредственно связаны с окончательным освобождением Руси от влияния Орды и становлением нового централизованного государства, поэтому направлены были в основном на упорядочение судебного аппарата, определение подсудности,

⁷ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 99.

основанной на подчинении нижестоящего суда центральной власти, а также на усилении контроля над кормчими судами со стороны центральных судебных органов.

В сравнении с ранее действовавшим законодательством Судебники не привнесли чего-то нового в нормы об ответственности за неспособность должника расплатиться по своим долгам. Так, в ст. 55 (о займах) и ст. 66 (о холопах) Судебника 1497 г. практически дословно повторены положения Русской Правды. Хотя можно обнаружить и некоторые отличия, например в Судебнике 1497 г. не содержится норм о кабальном холопстве, в то время как в ст. 78 Судебника 1550 г. прямо говорится о кабальном холопстве. Однако данное различие не отражало фактического состояния русского общества, так как само по себе кабальное холопство (закупничество, долговое холопство) существовало и до, и после Судебников 1497 и 1550 гг.

Вместе с тем можно отметить более четкое разграничение в Судебниках 1497 и 1550 гг. способов наступления неплатежеспособности — бесхитростный и умышленный: «проплет или иным каким безумием погубит товар». В зависимости от причин наступления неплатежеспособности дифференцируются и санкции. В первом случае при наличии доказательств и после обыска такого лица ему выдавалась грамота на оплату утраченного товара или денег без процентов, а во втором — кабальное (долговое) холопство: «того исцю в гибели выдати холовою на продажу».

Следующим этапом в становлении российского законодательства об ответственности за недобросовестное банкротство стало Соборное уложение 1649 г., в ряде статей которого содержится упоминание о займах и долговых обязательствах. Конечно, с развитием экономических отношений расширилась и законодательная регламентация займа, залога, появилась отдельная норма об огово-

ре относительно якобы состоявшегося займа.

В части регламентации наказания за финансовую несостоятельность, которая причинила имущественный вред другим лицам, можно отметить ст. 206 Уложения, где практически без изменений приводятся положения Судебника 1497 г. о том, что несостоятельность должника, наступившая по его вине (истеряет своим безумием, проплет или проворует), влечет наказание в виде передачи такого должника в кабальное холопство. Здесь также отсутствует четкая регламентация сроков кабального холопства: «до искупу же», т. е. «стоимость» кабального холопства определялась самим кредитором, что позволяло удерживать должника значительное время, а то и пожизненно. Однако в Уложении появляются и элементы защиты от неправомерного закабаления, например указание на обязательность прямых доказательств относительно вины должника в его неспособности вернуть долг: «а сыщется про то допряма».

Несколько расширились положения о несостоятельности должника, наступившей в результате непредвиденных обстоятельств (ст. 203 Уложения). Сумма все также уплачивается без процентов (без роста), но законодательно устанавливается рассрочка по платежам сроком от одного до трех лет: «а больши трех лет в таких долгах сроку не давать». Также предусматриваются ограничения в отношении свободы передвижения добросовестного должника, который до момента уплаты по долгам без уведомления не может покидать своего места жительства. При этом за должника перед судом должны поручиться лица, заслуживающие доверия.

Таким образом, за некоторыми изменениями в развитии языка, мы уже на тот момент наблюдаем развитие вариантов личного поручительства, которое возникает не в силу договора, а по решению суда или должностного лица, и которое впослед-

ствии трансформировалось в меру процессуального принуждения и даже уголовного наказания. Напомним, что на сегодняшний день личное поручительство в российском праве выступает в качестве уголовно-процессуальной меры пресечения, избираемой в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления лица, а, к примеру, условное осуждение⁸ и принудительные меры воспитательного воздействия являются мерами уголовно-правового характера.

Серьезное развитие законодательного регулирования общественных отношений в сфере банкротства в России происходит в период с XVII и до XIX в., поначалу на волне Петровских реформ, которые послужили стимулом для проникновения в Россию иностранного законодательства, с его принципами и способами регулирования общественных отношений, а далее уже в рамках международного сотрудничества и естественного взаимопроникновения правовых норм.

Среди принятых в этот период законодательных актов можно отметить Вексельный устав 1729 г., Устав о банкротях 1740 г., Банкротский устав 1753 г., Банкротский устав 1763 г. (по проекту 1761 г.), Банкрот-

ский устав 1768 года, Устав о банкрутах 1800 г., Устав о торговой несостоятельности 1832 г., Устав судопроизводства торгового 1905 г.

В это же время появляются первые специальные законы, предусматривавшие непосредственно уголовную ответственность, в том числе за недобросовестное банкротство: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866, 1885 гг.), Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Уголовное уложение 1903 г.

Таким образом, с давних пор в законодательстве зарубежных стран и в российском законодательстве содержались нормы об ответственности за несостоятельность (банкротство), регламентация очередности распределения имущества должника, а также разграничение должников на тех, которые не могут исполнить свои долговые обязательства в силу «несчастной» (бесхитростной) несостоятельности, и тех, которые попросту не желают исполнять своих долговых обязательств, приискивая способы уклонения от их исполнения — злонамеренная несостоятельность.

Налицо и отход от единого наказания для любого должника, неспособного уплатить по своим долгам, зависящего исключительно от факта неуплаты долга, в сторону дифференциации видов наказания, которые ставятся в прямую зависимость от вины должника в наступившей несостоятельности, разграничения карательных мер и принудительных мер имущественного характера.

Библиографический список

- Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888.
 Журавлев С. Ю. История развития законодательства о банкротстве в России. URL: http://www.namvd.ru/sciense/Conferences/2007/bankrotzahvat/404.html#_ftn1.
 Малышев К. И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871.
 Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
 Цитович П. П. Труды по торговому и вексельному праву: в 2 т. Т. 2: Курс вексельного права. М., 2005.